

RE-классический детектив от Таисии Кольт

ТАИСИЯ КОЛЬТ

Тайна Шато де Виль

Детективный роман

16+

Тайсия Кольт
Тайна Шато де Виль

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кольт Т.

Тайна Шато де Виль / Т. Кольт — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Молодой француз Жак Дюбуа оказывается в лондонском госпитале, после того как его сбивает машина. Пытаясь вспомнить, что произошло, Жак не может отделаться от страшного кошмара об убийстве, которое он совершил, но не помнит, кого он убил и почему. Вернувшись во Францию, молодой человек узнает об исчезновении друга своей матери Седрика Буше, гостившего у них в замке незадолго до этого. Жаку кажется, что именно труп месье Буше он видел в своих снах. Но в этот же вечер кошмар оживает: молодого Дюбуа застают рядом с телом Седрика Буше, только что заколотого ножом. И теперь от обвинения в убийстве Жака может спасти только чудо...

© Кольт Т., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Пролог	5
Глава 1	6
1	6
2	8
3	10
Глава 2	15
Глава 3	20
1	20
2	22
3	25
Глава 4	27
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Пролог

Франция, особняк коллекционера Седрика Буше, апрель 1922 года

Седрик Буше сидел за столом в своем кабинете и задумчиво перебирал монеты, приобретенные им у частного коллекционера в Бельгии две недели назад. Это была отличная подборка: античные шедевры, которые так редко удавалось найти, несколько медалей чеканки великого гравера Августина Дюпре с изображениями Марианны – символом Франции – и даже российские рубли эпохи Александра III, выпущенные в память о его коронации. Ради этих кружочков из драгоценного металла стоило совершить это небольшое путешествие, даже несмотря на сильную усталость, которую нумизмат теперь чувствовал все чаще и чаще. Седрику Буше было пятьдесят шесть лет, и большую часть своей жизни он посвятил собиранию ценных монет, жетонов, медалей. Его коллекция была одной из лучших в Европе, и через два месяца на аукционе в Лондоне он планировал выставить на продажу несколько экземпляров – они должны были взволновать публику и привлечь на торги самых искушенных ценителей.

Но сейчас Буше не хотелось думать об этом; все клады и сокровища в земле сокровища не интересовали его в эту минуту. Мужчина закрыл глаза и попытался представить, как Люси Дюбуа могла выглядеть сейчас, спустя почти тридцать лет с их последней встречи.

В те юные годы он был пленен ею, и неудивительно, ведь девушка была поистине прекрасна: длинные темные волосы до пояса, пухлые щеки и соблазнительные от природы ярко-красные губы. С тех пор не проходило и дня, чтобы Седрик Буше не вспоминал о ней. Было ли правильным то, как он поступил тогда? Но ведь это сделало ее счастливой! Должно было сделать... Коллекционер вздохнул. Отложив монеты в сторону, он дотянулся до нижнего ящика секретера и достал оттуда письмо. Месяц назад Седрик написал Люси, и ответ пришел почти сразу. Значит, он должен ехать к ней. Кто знает, возможно, это будет их последняя встреча. Нужно подготовиться как следует.

Буше в волнении прошелся по комнате, а затем резко остановился, наклонился и отодвинул лежащий по центру ковер. Одна из половиц отличалась от остальных, и нумизмат надавил на нее двумя руками, после чего дощечка с щелчком отскочила. Мужчина запустил руку в открывшийся тайник и достал какой-то листок. Закрыв свой потайной сейф, он вернулся за стол и, положив перед собой бумагу, принялся тщательно выводить слова. Когда Седрик Буше закончил писать, было уже половина двенадцатого ночи. Нумизмат устало взглянул на настенные часы и, сложив листок, убрал его во внутренний карман пиджака. Завтра он отправляется к ней, к своей Люси, они встретятся вновь, а там будь что будет. Какое теперь имели значение все его коллекция и огромное состояние, если перед лицом смерти все равны.

Подумав о смерти, Буше вздрогнул. Он достал из комода небольшой револьвер и положил его на край стола. «И все-таки эта поездка необходима», – пробормотал мужчина и, резко поднявшись, покинул кабинет.

Глава 1

1

Франция, пригород Каора, замок Шато де Виль, июнь 1922 года

– Зачем Жаку потребовалось так срочно ехать в Лондон? – молодая француженка приятной наружности сидела в соломенном кресле возле живой изгороди в удивительно красивом саду, окружающем старинный замок, и перелистывала свой альбом с семейными фотографиями.

Ее собеседник, молодой человек лет двадцати восьми, пожал плечами и небрежно бросил:

– Поведение твоего брата в последнее время довольно странное, ты не находишь? От него теперь можно ожидать чего угодно!

– Не понимаю, о чем это вы, – девушка резко выпрямилась и захлопнула альбом. Эти двое уже давно обращались друг к другу на «ты», но сейчас ей хотелось подчеркнуть разницу в их положении и немного осадить кавалера. Ее лицо исказила гримаса отчаяния, и девушка тихо застонала.

– Неужели все это связано с приездом месье Буше? – воскликнула она наконец. – Но Жак всегда был благоразумен, к чему заводиться по пустякам?

Молодой человек пожал плечами и потер лоб рукой.

– Мне трудно судить об этом. Мы с Жаком познакомились в непростое время. На войне люди быстро сходятся, но суть человека не всегда можно распознать за дымом пушек и бесчисленным количеством убитых солдат.

– Вы хотите сказать, что вы оба притворялись там, сражаясь за мир? – отчаянно воскликнула француженка. – Но я думала, что во время боя человек становится бесстрашнее и сбрасывает с себя все маски, которые нужны ему, чтобы прятать свое истинное лицо в светском обществе.

– Отчасти вы правы, – кивнул молодой человек, – но, чтобы выжить на войне, иногда приходится вычищать свою душу от всего лишнего, становиться бесчувственным и циничным, даже жестоким.

– Значит, вы считаете, что мой брат тоже мог стать таким? Жестоким и бессердечным? – упавшим голосом пролепетала мадемуазель.

– Зря я напугал вас, – широко улыбнулся ее собеседник, – не берите в голову! Война закончилась четыре года назад, все уже потихоньку возвращаются к обычной жизни, и ваш брат снова стал прежним, таким же славным малым, каким вы знали его раньше. Пойдемте-ка лучше в дом, становится прохладно.

Из-за угла замка показалась тоненькая фигурка горничной в белом переднике. Разглядев молодых людей в саду, она прокричала:

– Мадемуазель, вас зовет мадам. Кажется, какие-то новости от вашего брата.

– Спасибо, Сесиль, уже иду, – махнула в ответ девушка, и служанка исчезла так же незаметно, как и появилась.

– Сегодня во сне я видела мертвых птиц. Это дурной знак, – покачала головой француженка, и ее невыразительное бледное лицо приняло тревожное выражение.

– Сейчас мы все узнаем, – устало протянул молодой человек. – Уверен, с Жаком все в порядке, а ваши сны – это просто результат мигрени, от которой вы страдаете уже два дня.

Он поднялся и потянул девушку за собой. Француженка с тоской взглянула на семейный альбом, небрежно бросила его на кресло и поспешила вслед за своим другом.

2

Англия, Лондон, госпиталь Святого Варфоломея

Я открыл глаза и с трудом смог перевести взгляд из стороны в сторону. Яркий свет настолько ослепил меня, что я ничего не сумел разглядеть, кроме плохо выкрашенных белых стен, и это навело меня на мысль, что я нахожусь в больнице. Все тело жутко ныло, я попробовал пошевелить пальцами на руках, и острая боль пронзила меня насквозь. «У меня сломана рука, – пронеслось в голове, – наверное, еще и нога. Но что со мной случилось? Как я оказался здесь?»

Как я ни старался, вспомнить ничего не удавалось. Моя жизнь началась с чистого листа в больничной палате.

Вдруг дверь открылась, и несколько человек, по виду медицинский персонал, буквально влетели в комнату. Они обсуждали что-то в полголоса, и я с трудом мог их расслышать. Язык, на котором они говорили, был не мой родной, но все же я его хорошо знал и прекрасно понимал. Одна приятная молодая девушка, по всей видимости, медсестра, подошла ко мне и бодрым голосом прошептала:

– Как хорошо, что вы наконец пришли в себя! Теперь вы быстро поправитесь!

Я сделал над собой усилие и попытался ее о чем-то спросить, но мои губы только безмолвно зашевелились.

– Ничего-ничего, вы слишком слабы для разговоров. Надеюсь, что вам скоро станет лучше и мы выпишем вас домой, – подбодрила меня медсестра.

Когда она произнесла слово «домой», я вдруг осознал, что не могу вспомнить, где мой дом и вообще кто я такой. Даже мое имя выплывало откуда-то из глубин моей памяти как нечто чужеродное, что было до жути странно и пугающе. Я захотел спросить эту приятную особу, может она знает, как меня зовут, но из-за сильной усталости не смог заговорить, а только беспомощно промычал какую-то бессмыслицу.

Между тем группа медиков приблизилась ко мне. Один из посетителей сел на стул рядом с моей кроватью и начал измерять мне пульс и давление. По его лицу я понял, что мои показатели в норме. Потом он начал задавать мне разные вопросы: как я себя чувствую, не болит ли у меня голова, не хочу ли я есть, не двоится ли у меня в глазах и так далее. Я пытался кое-как отвечать, иногда просто кивал головой в знак согласия, но все равно быстро утомился. Доктор это заметил, пожелал мне скорейшего выздоровления и вышел из палаты, позвав за собой всех остальных.

Когда я остался один, то попытался отбросить все сумбурные мысли и вспомнить самое главное – как меня зовут. На ум пришло имя «Жак», и оно мне почему-то не понравилось. Если бы меня действительно так звали, то я определенно был бы не рад этому. Но я немного успокоился: если мне удалось вспомнить свое имя, то не все потеряно, и у меня лишь частичная амнезия, а значит, постепенно можно восстановить и остальное – откуда я и кто моя семья. Следующее имя, которое всплыло в моей голове, было «Анабель». Может, это моя сестра? Не знаю, как это объяснить, но я сразу подумал о сестре, а не о жене. Хотя я ничего и не помнил, мне казалось, что я не женат и, тем более, у меня нет детей.

За дверью в коридоре я слышал голоса. Несколько человек продолжали что-то бурно обсуждать: кажется, говорили обо мне. Чей-то противный визгливый голос перекрикивал все остальные. От этого у меня снова закружилась голова, и внутри нее как будто все затрещало и надломилось. Пытаясь не вслушиваться, я стал рассматривать унылые белые стены вокруг,

и мне вдруг показалось, что я просто умер и попал на небеса – настолько нереальным все это было. Я снова закрыл глаза и, видимо, провалился в глубокий сон.

Видения, посетившие меня на этот раз, сильно отличались от той розовато-серой дымки, застилавшей мне глаза последние несколько дней и ночей, пока я был без сознания. Сейчас я сумел различить какие-то смутные очертания, похожие на замок на отвесной скале. Мне захотелось непременно заглянуть в одно из окон, и, как это обычно бывает во сне, я внезапно оказался близко-близко от оконной рамы и смог вплотную прижаться к стеклу. Картина, возникшая передо мной, была настолько жуткой и в то же время реальной, что я закричал, но из разинутого рта не вылетело ни звука. Пытаясь открыть окно, я случайно разбил стекло и поранил руку. Видя, как кровь стекает по моей руке, я в ужасе снова беззвучно сорвался на крик, и сон в одно мгновение улетучился.

Резкий больничный запах и чей-то голос заставили меня открыть глаза, и я с усилием стал всматриваться в окружающие лица. Пожилой врач и все та же молоденькая медсестра смотрели на меня с нескрываемым изумлением, что-то говорили друг другу вполголоса, читали историю болезни, переглядывались и снова начинали шептать. Похоже, то, что я жив, было невероятно, и ни врач, ни медсестра не ожидали, что я приду в себя в такой короткий срок. Мне снова стали задавать вопросы и светить фонариком в глаза. Все данные в обязательном порядке фиксировались в журнале, и с каждым новым обследованием, будь то давление или сухожильные рефлексы, лица медперсонала становились все более и более просветленными.

Пожилой доктор, по-видимому, самый опытный из всех, кто меня осматривал, подал какой-то знак, и они уже собирались выйти в коридор, когда вдруг я услышал собственный голос, будто со стороны. Доктор и медсестра обернулись и с удивлением посмотрели на меня, отчего я понял, что они не могут истолковать мои слова. Я говорил как в тумане, как в бреду, плохо соображая и совсем не осознавая значение сказанного. Медсестра подошла поближе и склонилась надо мной, пытаясь лучше расслышать то, что я силился вымолвить. Видимо, я говорил тихо и нечетко, поэтому ей пришлось несколько раз переспросить, а потом, все-таки разобрав мои слова, она повернулась лицом к пожилому седовласому доктору.

– Это французский? Что он спросил, сестра Бланш? – не выдержал тот.

Девушка боязливо огляделась по сторонам, а затем, словно опасаясь, что ее услышат, тихо-тихо проговорила:

– Он спросил: «За что я убил его? За что я убил этого человека?»

3

Миссис Бланш вымыла руки и, устало вздохнув, присела на стул в помещении для медицинских сестер. Ночное дежурство давно закончилось, и девушке хотелось поскорее поехать домой и броситься на кровать. Ночь выдалась крайне тяжелой. Три раза приезжала скорая помощь, два сложных случая: холецистит и гнойный абсцесс, а третий пациент так вообще чудом остался жив, после того как упал в Темзу и чуть не утонул. Каждого поступившего больного требовалось оформить, подготовить палату, проследить за выполнением всех назначений и процедур, кого-то без промедления везти в операционную. Поэтому миссис Бланш даже не удалось хоть чуточку вздремнуть. Но не все дежурства были такие, иногда случалось, что к ним в отделение общей хирургии за ночь никого не привозили, и вот тогда персонал на посту мог позволить себе немного отдыха.

Присцила Бланш работала в госпитале Святого Варфоломея уже три года, куда ее взяли медсестрой, после того как она прошла курсы в колледже при этом госпитале. Во время войны девушка получила бесценный опыт ухода за ранеными и успела понять, что оказывать помощь больным может стать делом всей ее жизни.

Присцила всегда придерживалась мнения, что каждый человек должен найти свое призвание, и считала, что в данном случае ей несказанно повезло, ведь эта работа была для нее смыслом всего существования, любимой профессией, которой она отдавалась всей душой. Сестринское дело давалось девушке легко, ей нравилось помогать людям, поэтому присмотр за больными она не воспринимала как рутину, а скорее, как возможность исполнить свой человеческий долг, и радовалась каждому дню, проведенному в госпитале. Все, чему научили ее делать во время учебы, миссис Бланш выполняла с большим удовольствием и старанием. Единственное, к чему она так и не смогла привыкнуть еще со времен войны, – это смерть своих пациентов.

Люди умирали почти каждый день: кто-то в день поступления, кто-то через сутки после госпитализации, а кто-то мог пробыть в больничной палате и три недели, получить необходимое лечение, но все равно уйти в загробный мир. Присцила Бланш переживала смерть каждого пациента как потерю своего самого близкого человека. Это было ужасно тяжело. Чувство сожаления и ощущение беспомощности приводили молодую медсестру в отчаяние, но это было частью ее работы, поэтому ей оставалось только смириться.

Порой даже самый лучший уход, современные лекарства и искусно проведенные операции не давали результата, и тогда смерть брала верх над стараниями докторов и медсестер. Почти всегда за пациентов приходилось бороться, и в этой схватке, к сожалению, медицина и желание человека жить не всегда одерживали победу. Сестра Бланш знала, что на все воля Божья. Но она никогда не сдавалась и даже в самых безнадежных случаях делала все от нее зависящее, чтобы помочь умирающему и дать ему шанс на спасение.

Сейчас ей почему-то вспомнился тот парень, которого привезли два дня назад. При нем не было документов, но так как он говорил по-французски, Присцила решила, что он иностранец. В тот день она, как обычно, сидела на посту медсестры, когда по скорой помощи доставили этого молодого человека лет двадцати восьми. Его сбила машина, и от полученных тяжелых травм и переломов он впал в кому, состояние его оценивалось как критическое. Было понятно, что парень вряд ли скоро сможет встать на ноги. Но почему-то Присцила Бланш не могла поверить, что он умирает. Его лицо было разбито, нос и губы исцарапаны, а щеки содраны в кровь. Автомобиль, сбивший беднягу на высокой скорости, даже не остановился, водитель скрылся с места происшествия. Состояние молодого человека оставалось очень тяжелым два последних дня. И вот теперь он очнулся и даже заговорил.

Слова пациента о том, что он кого-то убил, были, конечно, плодом его измученного болью сознания. Парень не был похож на преступника, тем более на убийцу, скорее, на маменькиного сынка из состоятельной семьи, живущего в полном достатке и благополучии. Подумав об этом, Присцила Бланш пренебрежительно скривила рот: ей хорошо был знаком такой тип молодых людей, и она не испытывала к ним ничего, кроме презрения.

Ее муж Виктор Бланш не относился к числу таких холеных молодых повес. Он служил во флоте, за время войны был дважды приставлен к награде, и по всему было видно, что молодой человек сделает успешную военную карьеру. Они поженились во время войны, когда каждый прожитый день мог стать для Виктора последним. Но все обошлось, вновь созданный союз пережил невзгоды и разлуку, а теперь, в мирное время, каждый из супругов продолжал заниматься тем, что они делали во время боевых действий – она спасала людские жизни, а он ходил по морям и океанам на военных кораблях. Последний раз Виктор был дома месяц назад – приезжал в двухнедельный отпуск, а затем снова вернулся на борт эсминца. В ближайшее время молодой жене даже не стоило надеяться на скорую встречу. Миссис Бланш оставалось только смириться и коротать время в ожидании горячо любимого мужа.

На сегодня она завершила свою работу и могла спокойно ехать домой. Но что-то не давало ей покоя. Слова этого парня без конца крутились у нее в голове. «Почему он так сказал? – думала Присцила, складывая свои вещи в сумку. – Он спросил: “За что я убил его?” Просто невероятно! Неужели такой неженка мог кого-то убить? Как жаль, что он ничегошеньки не помнит!»

Неожиданный стук в дверь прервал размышления медсестры. «Войдите!» – крикнула она, и на пороге сестринской показался новый пульмонолог доктор Харрис, который явно питал симпатию к этой хорошо сложенной медсестре и слишком неумело это скрывал.

– Извините, сестра Бланш, но вас зовет к себе доктор Томпсон, – нарочито сухо проговорил Рональд Харрис, и девушка, одобрительно кивнув, с готовностью вышла в коридор.

Не совсем понимая, зачем доктор Харрис сопровождает ее до кабинета профессора, миссис Бланш недовольно поджимала губы и упорно молчала, а пульмонолог шел рядом с ней смущенно и неуверенно, видимо, осознавая, что его присутствие ничем не оправдано. Но расстаться с Присцилой Бланш, пробыв рядом с ней так мало времени, он, похоже, просто не мог.

Все больше раздражаясь и чувствуя неловкость ситуации, Присцила решила отвлечься и начала непринужденный разговор:

– А для чего я потребовалась доктору Томпсону? Надеюсь, с той женщиной из двадцать пятой палаты все хорошо? Я совсем недавно меняла ей повязку, шов не воспаленный. Температура тоже в норме.

– Я полагаю, профессор хочет еще раз расспросить вас о том молодом человеке, который признался в убийстве, – вкрадчиво произнес доктор Харрис и, помедлив, добавил: – Доктор Томпсон советовался со мной, стоит ли сообщать об этом в полицию.

Миссис Бланш круто повернула голову и недоуменно посмотрела на семяющего рядом доктора.

– Что вы хотите этим сказать? Неужели вы считаете, что слова этого парня, находившегося в коме столько часов, могут быть правдой? – с возмущением воскликнула Присцила.

Опешив от такой бурной реакции своей собеседницы, доктор Харрис тут же начал оправдываться:

– Я всего лишь передаю вам слова главного хирурга, лично мое отношение к сложившейся ситуации самое нейтральное. Доктор Томпсон был сильно озабочен тем, что его пациент может оказаться преступником. А вдруг он и в правду кого-то убил?

Присцила Бланш смерила Рональда Харриса презрительным взглядом.

– Вы прекрасно знаете, что полиция уже была здесь. Служители закона выяснили все, что им было нужно по поводу этого несчастного случая с машиной, сбившей парнишку. Если бы

речь шла еще и о каком-то убийстве, то они бы обязательно приставили к молодому человеку полицейского, но они этого не сделали.

– Да, все верно, – доктор прочистил горло. – Но, как вы знаете, личность пострадавшего до сих пор не установлена, а убийство, о котором он говорит, могло произойти раньше. Просто теперь в таком состоянии он не контролирует свои слова и сам признался в преступлении.

Миссис Бланш хотела что-то возразить, но в этот момент на нее налетела совсем юная медсестра Лестридж, которая должна была заступить на свой пост еще десять минут назад, но, как всегда, опоздала и теперь неслась по коридору, сталкиваясь со всеми и создавая переполох.

Миссис Бланш никогда не сердилась на Барбару Лестридж, несмотря на все ее опоздания, недочеты в работе и иногда даже обычную рассеянность. Девушка была слишком утонченной для этой профессии, странно, что она вообще закончила медицинское училище. Вся такая тоненькая и аккуратная, она была как тростинка в этом огромном море пациентов, капельниц, назначений и процедур. Миссис Бланш всегда помогала сестре Лестридж, иногда даже делала за нее ее работу: не потому что хотела оградить ее от наказаний и штрафов, а просто потому что она жалела эту девушку, которой следовало бы танцевать в балетной труппе или исполнять романтические песни о любви, но никак не выносить судна и перестилать больничные койки. Барбара Лестридж постоянно витала в облаках, часто что-нибудь забывала и редко делала все вовремя.

Вот и сегодня эта коротко подстриженная брюнетка пришла на работу позже всех и, боясь встретиться с главной медсестрой больницы мисс Хамбл, летела на всех парах. Столкнувшись с миссис Бланш, Барбара поняла, что уже сильно опаздывает, и ужасно испугалась.

– О, сестра Бланш, доброе утро! Простите, я задержалась, но через минуту буду готова, вот увидите! – она тараторила с невероятной скоростью, словно надеясь, что чем быстрее она произнесет это, тем скорее действительно окажется в своей униформе на сестринском посту.

– Доброе утро, сестра Лестридж. Все в порядке, я подготовила утренние таблетки для пациентов доктора Харриса, вам осталось только разнести и раздать их по палатам, – приветливо ответила миссис Бланш, и радостная улыбка озарила лицо Барбары.

– Спасибо огромное! Вы всегда выручаете меня! – пролепетала Барбара и со всех ног побежала дальше по коридору.

– Какое нелепое создание, – недовольно покачав головой, вымолвил доктор Харрис. – Надо пожаловаться главной сестре, а то эта Лестридж скоро совсем перестанет выполнять свои обязанности.

Присцила Бланш, казалось, пропустила слова пульмонолога мимо ушей и спокойно заметила:

– А вот и кабинет доктора Томпсона.

– Да, он ждет вас, – с трепетом произнес Рональд Харрис и, кисло улыбнувшись, попрощался с миссис Бланш.

– Всего хорошего, – сквозь зубы процедила она, а про себя подумала: «Неужели ему не надоело ходить за мной по пятам? Ведь я замужняя женщина!»

Доктор Харрис скрылся в операционной, а миссис Бланш постучалась в дверь главного хирурга и, услышав разрешение войти, проскользнула в кабинет.

Чарльз Томпсон восседал за своим столом и просматривал истории болезни пациентов, которые готовились к выписке. Это был самый опытный хирург во всем госпитале, и его операции были предметом обсуждения и восхищения всех его коллег. Он брался даже за самые сложные случаи, когда, казалось бы, пациента ничто не могло спасти. Но в руках доктора скальпель начинал творить чудеса, и даже аппендицит, осложненный перитонитом, или разрыв желчного пузыря завершались без трагических последствий для больного. Весь персонал больницы прислушивался к суждениям главного хирурга, и многие даже считали своим долгом советоваться с ним не только по сугубо медицинским, но и по административным, управленческим вопро-

сам. Поэтому сейчас миссис Бланш немного струсилла, ибо не была уверена в том, что знает, как правильно вести беседу с таким прославленным специалистом, доводы которого могут не совпасть с ее собственным мнением.

Увидев миссис Бланш, профессор вышел из-за стола и пригласил медсестру присесть на небольшой диван, располагавшийся справа от его рабочего места у окна.

– Не хотите ли выпить кофе, сестра Бланш? Вы, наверное, очень утомились за это дежурство, а чашка ароматного напитка взбодрит вас, – учтиво произнес доктор Томпсон и присел рядом на диван.

Миссис Бланш вежливо отказалась от кофе и, не раздумывая, первая прервала неловкое молчание:

– Вы хотели о чем-то поговорить со мной, профессор?

Чарльз Томпсон замялся и пригладил волосы на затылке. От Присцилы не ускользнуло, что тот не знает, как начать неприятный для него разговор, и не уверен в том, что медсестра правильно отреагирует на его слова.

– Сестра Бланш, – наконец решился главный хирург, – я действительно хотел с вами посоветоваться.

– Я внимательно вас слушаю.

– Понимаете, у нас складывается неприятная ситуация с пациентом из двадцать первой палаты.

– А, это тот молодой человек, который попал под машину. А что с ним не так? Я думала, что у него-то как раз все замечательно. Он пришел в сознание и уже даже начал немного говорить. Это первый признак того, что его выздоровление пойдет в ускоренном темпе.

– Все верно, но я не могу оставить без внимания то, что он сказал, когда мы с вами вернулись к нему в палату после осмотра, – доктор Томпсон старался как можно более деликатно вести беседу, но, несмотря на это, миссис Бланш уловила, к чему он клонит.

– Вы имеете в виду его слова об убийстве? Но я не думаю, что это стоит принимать всерьез. Бедный парень говорил неосознанно, скорее всего, так проявилась реакция на болевой шок. Это обычное дело для пациентов в его состоянии, – резонно заметила медсестра.

– Я знаю это не хуже вас, сестра Бланш, – оборвал ее доктор. – К нам часто поступают пациенты с нарушенным сознанием: у них путаются мысли, они забывают самые элементарные вещи, у некоторых даже проблемы с головой, но здесь совсем другое дело. Он абсолютно здоров психически, нет бреда, галлюцинаций, он ничего не помнит о себе, но его память выдает самое яркое впечатление – убийство. И я не могу просто закрыть на это глаза.

– Зачем же вы позвали меня, если все уже решили? – неожиданно резко спросила Присцила.

– Я не хочу, чтобы вы неправильно поняли меня, сестра Бланш. Дело в том, что мы смогли выяснить личность этого человека. Полиция не сумела сразу узнать его имя и фамилию, но потом на месте аварии был найден портфель с документами на имя Жака Дюбуа, гражданина Франции. Мне только что позвонили и сообщили об этом.

– Что ж, это отличные новости. Значит, теперь мы знаем, кто он. Но в чем же причина вашего беспокойства?

Доктор Томпсон придвинулся ближе и почти шепотом заговорщически произнес:

– Как законопослушный англичанин я должен проявить гражданскую ответственность и сообщить обо всем в полицейское управление. Но в то же время я не уверен, имею ли я право передавать непроверенные сведения. Ведь кроме слов парня мы больше не располагаем никакой информацией! Стоит ли говорить, что его тяжелое состояние совсем не убеждает меня в необходимости связываться с полицией.

– Извините, доктор, но я все еще не понимаю, чего вы хотите от меня, – развела руками Присцила. – Если вы боитесь скандала, то просто не нужно вызывать полицию. У этого фран-

цуза в голове сейчас сплошной хаос, все смешалось, правда и вымысел, зачем ему сейчас лишние проблемы с законом?

– Но поставьте себя на мое место, сестра Бланш, – взмолился Чарльз Томпсон. – Я занимаю ответственный пост и должен сообщать властям обо всех правонарушениях. А если этот молодой человек опасный преступник и кто-то безвинный сильно пострадал из-за него? Неужели вы сможете спокойно спать, зная, что убийца может улизнуть в любую минуту?

Миссис Бланш смекнула, что профессор ждет от нее подсказки, как ему лучше поступить. Он был отличным хирургом, лучшим диагностом в больнице и прирожденным руководителем, но вопросы, хотя бы отдаленно связанные с полицией, вызывали у него абсолютную неприязнь. Он старался избегать любых скандалов и конфликтов с представителями власти, поэтому теперь явно боялся, как бы чего не вышло, и, попросту говоря, перестраховывался.

Сама миссис Бланш считала, что дело не стоит и выеденного яйца: нужно просто вылечить человека, поставить его на ноги. Расследовать преступления было не в компетенции медиков, тем более, факт совершения убийства не был доказан, а обвинять пациента только на основании его слов, да и то произнесенных после выхода из критического состояния, было крайне непрофессионально и даже глупо. Парень совсем ничего не помнил, кроме того, что он якобы кого-то отправил к праотцам. Скорее всего, память будет восстанавливаться постепенно, и, возможно, он сам сможет понять, почему твердит об убийстве. К тому времени он уже поправится и будет в состоянии ответить на вопросы полиции, если потребуется.

Поделившись со светилом хирургии своими предположениями, Присцила Бланш тотчас пожалела об этом, так как доктор ухватился за ее слова и, похвалив за хороший совет, поручил ей следить за реабилитацией Жака Дюбуа и постараться выяснить, что тот помнит, а что нет. Когда пациент достаточно окрепнет и воссоздаст картину происшедшего, миссис Бланш поставит в известность доктора Томпсона, а уж тот в свою очередь решит, стоит ли информировать полицию.

Выйдя из кабинета, Присцила недовольно скривила рот. Она поняла, что именитый профессор в очередной раз испробовал на ней свои навыки манипуляции. Ибо она даже не заметила, как дала свое согласие следить за пациентом и докладывать обо всем главному хирургу, хотя изначально у нее и в мыслях такого не было.

«Этот доктор Томпсон знает свое дело», – пробурчала миссис Бланш себе под нос. Девушке почему-то стало очень стыдно перед беспомощным французом, лежащим сейчас на больничной койке и нуждающимся в уходе и лечении, а вовсе не в утомительных допросах, которым его могут подвергнуть в любой момент, если это взбрет в голову главному хирургу.

Медсестра в нерешительности остановилась посреди коридора. «Все-таки нужно узнать, не требуется ли парню что-то еще. На сестру Лестридж совсем нельзя положиться». И, перебив свою усталость, миссис Бланш повернула в сторону двадцать первой палаты, где в это время искалеченный Жак Дюбуа тщетно пытался вспомнить свое прошлое.

Глава 2

Когда я снова открыл глаза, по всей видимости, настало утро следующего дня после моего «воскрешения» или, как говорили здесь медики, «после выхода из коматозного состояния». В палате, кроме меня, никого не было, еще одна больничная койка по левую сторону от меня оставалась незанятой, но постель была заправлена, поэтому я не удивился бы, если бы ко мне в самое ближайшее время подселили нового пациента.

Голова болела уже меньше. Мне кололи уколов по десять в день, и этому, казалось, не будет конца. Весь персонал держался со мной достаточно вежливо и ровно, но иногда я замечал, как что-то появлялось у медсестер во взгляде, что-то необъяснимое, но довольно неприятное. Думаю, я бы не ошибся, если бы сказал, что меня боятся. И это было вполне понятно: после моего вчерашнего вопроса об убийстве они тут все, естественно, насторожились. Конечно, многие могли принять мои слова за бред, но это не делало мое общество более безопасным. Ведь если я бредил, то, возможно, у меня что-то не в порядке с головой, и я вообще настоящий псих, которого нужно опасаться. А если говорил правду – получается, что я кого-то порешил. Значит, я мог оказаться матерым преступником, и от меня надо держаться подальше.

Несмотря на непрерывный поток мыслей в моей голове, я сам до конца не был уверен, кто же я на самом деле. Вчера я даже не смог вспомнить и произнести свое имя, настолько ослаблен и изможден я был. Мне рассказали, что меня сбила машина, поэтому я частично потерял память. И я в самом деле мало что помнил. Интересно, кому потребовалось сбивать меня? Как бы то ни было, автомобиль, почти переехавший меня, не довел начатое до конца, ибо я склоняюсь к тому, что это было покушение на мою жизнь.

Но со вчерашнего дня я заметно продвинулся вперед, и мне удалось многое воссоздать. Воспоминания как-то нахлынули на меня потоком, и я радовался им как ребенок, узнавший что-то новое об окружающем мире. Оказалось, что мое имя – Жак Дюбуа, я родился и вырос в замке Шато де Виль на юге Франции в регионе Лот – крае необычайной красоты и первозданной природы предпиренейских ландшафтов.

Моя мать вышла замуж за Ролана Дюбуа и родила ему двоих детей – меня и мою сестру Анабель, с которой мы были неразлучны, до тех пор пока не началась война. Военные годы сейчас вспоминать мне не хотелось: чудом оставшись в живых, я подхватил сыпной тиф и был отправлен в госпиталь, где за ранеными солдатами ухаживали монахини. Там я познакомился с Фабрисом Сенжаном, хорошим парнем, получившим небольшие ранения и тоже страдавшим тифом, как и я. Мы подружились за недели, проведенные в палате, и я взял с него обещание непременно навестить меня в Шато де Виль после окончания войны.

Спустя два года Фабрис действительно приехал к нам в дом погостить и в мгновение ока сумел завоевать расположение моей матери. Выяснилось, что за несколько лет до этого мой приятель закончил обучение на художника-декоратора и увлекся архитектурой, что оказалось весьма кстати, потому как наш средневековый замок требовал серьезной реконструкции. Когда мать начала поиски подходящего человека, которому можно было доверить восстановление Шато де Виль, я тут же вспомнил о своем товарище и был искренне рад очередной возможности увидеться с ним. Приехав к нам этой весной уже во второй раз, Фабрис занялся подготовкой замка к реставрации и много времени проводил вместе с моей сестрой, помогавшей ему в изучении документов и старых фотографий нашего имения.

Анабель младше меня на три года и являет собой образец чистоты и нежности, что так присуще девушкам южных провинций. Если бы она сейчас была здесь, то обязательно сидела бы возле моей кровати, держала меня за руку и рассказывала сказки народов мира, которые мы с ней с детства так сильно любили, что часто отказывались засыпать, не услышав наши

истории про фантастических персонажей. Сейчас, находясь так далеко от дома, я удивительно четко увидел перед собой ее стройную, даже худоватую фигуру, светлые с пепельным оттенком волосы, спадающие на узкие плечи, и нежную немного грустную улыбку.

Мне бы хотелось, чтобы в эти тягостные минуты одиночества она была рядом со мной, но это было невозможно, ведь они с мамой и Фабрисом находились сейчас в Шато де Виль недалеко от Каора. Не знаю, что думает по этому поводу Анабель, но Фабрис с самого начала всем своим видом показывал, какое впечатление произвела на него моя сестра, поэтому я не удивлюсь, если в ближайшем будущем он сделает ей предложение. Сомневаюсь, что я был бы рад этому браку. Анабель еще слишком молода и совсем не разбирается в мужчинах, а Фабрис, напротив, прошел через множество любовных испытаний и теперь явно хочет наконец-то остепениться и завести семью. Другое дело, что ничего не известно о его прошлом, о его родителях, а это всегда наводит на подозрение. Возможно, я и преувеличиваю – что скрывать – ведь я сильно ревную сестру к этому архитектору. Хотя Сенжан оказался профессионалом своего дела: уже через пару месяцев после его приезда к нам начались реставрационные работы, и наш дом стал похож на пленника, окруженного со всех сторон строительными лесами, подъемниками и тросами.

Пока я размышлял о возможных отношениях между Анабель и моим приятелем, в палату заглянула приятная молоденькая девчушка. Увидев, что я не сплю, она издала радостный возглас:

– Вам становится лучше с каждым днем! Это просто чудесно! Надеюсь, совсем скоро вас можно будет выписать.

– Спасибо, – с трудом выдавил я из себя, – а вы...

– Сестра Лестридж, – не дала договорить мне бойкая девушка. – Вчера в отделении дежурила сестра Бланш, такая довольно высокая и крепкая, у нее густые темно-русые волосы, заколотые в огромный пучок. Уверена, что распущенные они достают ей до талии...

Девушка продолжала еще что-то тараторить, но я уже не мог слушать, в голове опять все закружилось, и вдруг я отчетливо вспомнил убийство, о котором говорил вчера сестре Бланш. Мой мозг нарисовал довольно страшную картину: незнакомый мужчина лежит на полу в нашем доме, рисунок ковра кажется мне знакомым, но я не уверен, где видел его. Я трогаю мужчину за плечо, пытаюсь перевернуть, но не могу, так как он очень тяжелый. Тогда я изо всех сил тяну его за ноги, и на полу остается красный след. Я понимаю, что это кровь, кричу, но тщетно – никто не бежит на мой зов. В конце концов я переворачиваю тело и вижу, что человек мертв, я не могу это объяснить, но я знаю, что его убил я. Вдруг стены стали рушиться, я снова оказался в больничной палате. Надо мной – испуганное личико сестры Лестридж, которая держит в руках кувшин с водой, и по направлению ее руки я догадался, что она хочет вылить содержимое кувшина мне в лицо, чтобы я пришел в себя.

Я хотел было запротестовать, но на мое счастье в палату впорхнула другая медсестра. Отстранив сестру Лестридж, она дала мне ватку с чем-то резко пахнущим, и я окончательно вернулся к реальности. Сестра Лестридж поставила кувшин на прикроватную тумбочку и торопливо вышла в коридор.

– Вам уже лучше? – участливо спросила сестра Бланш, ибо это была именно она. Я сразу узнал ее приятное, немного строгое лицо и ободряющую улыбку. В ее присутствии становилось спокойнее, а все страхи и тревоги улетучивались сами собой.

Я кивнул ей в ответ. Правда, от моего внимания не ускользнуло, что девушка была чем-то сильно расстроена. Ее взгляд блуждал и не мог ни на чем остановиться, особенно медсестра избегала смотреть мне в глаза. Боясь снова потерять сознание, я схватил ее за руку, и, словно почувствовав мои опасения, девушка присела на стул рядом с кроватью.

– Вам не о чем волноваться. Ваше состояние пришло в норму, приступы головокружения и потери сознания еще будут повторяться, но уже не так часто. Скоро ваши травмы заживут, и вы сможете вернуться домой.

Медсестра произнесла это так спокойно и уверенно, что не было причин сомневаться в этом. Но я все-таки не выдержал и задал ей тот самый волнующий меня вопрос:

– Вы знаете, кто я такой?

Сестра Бланш резко встала со стула и принялась поправлять салфетку на прикроватной тумбочке. Потом, не глядя мне в глаза, сухо произнесла:

– Вас зовут Жак Дюбуа. Вы француз, приехали в Лондон три дня назад, а позавчера вас сбила машина, после чего вас с тяжелыми травмами доставили сюда, в госпиталь Святого Варфоломея. Все это время вы были без сознания, вас осматривали лучшие врачи, были проведены все необходимые медицинские манипуляции. Все здесь желают вам только добра и скорейшего выздоровления!

В отличие от юной Лестридж, сестра Бланш разговаривала со мной на французском, причем совершенно свободно. «Они знают, кто я и откуда. Значит, полиция уже была здесь, и скоро меня арестуют», – пронеслось у меня в голове.

Стараясь придать своему лицу беззаботный вид, я улыбнулся в ответ и вежливо спросил:

– Вы, наверное, устали? Почему вы все еще на работе? Сестра Лестридж сказала, что ваша смена закончилась и вы ушли домой.

– Да, я и в правду утомилась, – призналась девушка, – но сейчас пора отпусков, не хватает рабочих рук, поэтому главный хирург попросил меня остаться.

– Главный хирург? Наверное, он также попросил вас более тщательно приглядывать за мной? – сделав акцент на слове «приглядывать», отчеканил я.

Сестра Бланш закусила нижнюю губу и бросила на меня отчаянный взгляд. Затем, убедившись, что из коридора за нами никто не подсматривает, закрыла дверь и села обратно на стул рядом со мной.

– Послушайте, месье Дюбуа, – доверительно начала она, – я не знаю, что с вами произошло, и почему вы оказались в Лондоне, но доктор Томпсон, тот седой врач, который осматривал вас вчера вечером, беспокоится о том, что вы упомянули о каком-то убийстве. И он поручил мне следить за вами до тех пор, пока вы не вспомните все, что в действительности случилось. Если вы в самом деле убили человека, нам придется вызвать полицию. Профессор не сделал этого до сих пор, так как вы французский подданный, а доктору не хочется необоснованно обвинять в чем-то гражданина другой страны. И что же теперь прикажете с вами делать?

Я попытался подняться и вновь почувствовал себя дурно. Девушка заметила это и хотела было снова дать мне нашатырь, но я жестом остановил ее и неожиданно для себя выпалил как на духу:

– Сестра Бланш, вы не обязаны верить мне, скорее наоборот. Возможно, в ваших глазах я преступник, скрывающийся от правосудия. Но ведь на самом деле вам ничего не известно обо мне, как я жил до сегодняшнего дня, кто мои родители и моя семья. По правде сказать, я и сам смутно все это теперь вспоминаю. Вот вы сказали, что меня зовут Жак Дюбуа, а еще вчера мне это ровным счетом ничего не говорило. Но и сейчас я не до конца уверен в этом, ибо то, что творится со мной, это словно фильм, а я – зритель в кинозале. Я знаю, что главного героя зовут Жак Дюбуа, он живет со своей семьей в шато во Франции. И я заставляю себя думать, что это и есть я. В моей голове сохранились какие-то отрывки из киноленты про мою жизнь, а я как будто вижу все со стороны. Все персонажи хорошо прорисованы в моей памяти, все замечательно срежиссировано и поставлено, но это не мои воспоминания, это всего лишь фильм обо мне. Единственное, что я точно помню, помню так, как будто это действительно происходило со мной, так это то, что я лишил человека жизни. Я говорю об этом, потому что это самые яркие воспоминания, которые мне удается воспроизвести. Но я не могу объяснить,

ни кто этот человек, ни почему я убил его. Понимаю, это звучит безумно, и никто не поверит мне, даже вы с вашим светлым умом и добрым сердцем. Но мне не у кого просить помощи, сестра Бланш. Я знаю, что убил человека, и хочу понести наказание, но я должен разобраться во всем. Жак Дюбуа сейчас для меня не более, чем вымысел, я не знаю, кто он такой, способен ли он на убийство; но я знаю, что я, тот человек, который сейчас перед вами, не способен никого убить. Так получилось, что мое сознание не дает мне возможности проникнуть внутрь Жака Дюбуа, покопаться в его голове и найти причины, по которым он мог пойти на убийство. Если сейчас меня арестуют и отвезут домой, то на родине меня ждет как минимум тюрьма. Я никак не смогу помочь ни себе, ни Жаку Дюбуа. Мне нужно вернуться домой обычным человеком, не подозреваемым в убийстве, а потерпевшим, перенесшим тяжелые травмы и нуждающимся в уходе. Ваш покорный слуга – из состоятельной семьи, сестра Бланш, если вы сможете мне помочь, я не останусь в долгу. Но я думаю, что деньги не будут для вас решающим фактором при принятии решения. Подумайте о справедливости. Ведь если я не докопаюсь до правды, осудят Жака Дюбуа, а с ним и меня, но представьте на минуту, что он невиновен. Это значит, что настоящий убийца останется безнаказанным и будет разгуливать на свободе. Эта мысль не дает мне покоя. Поэтому я прошу вас о помощи, мне больше не к кому обратиться, в вас я вижу своего спасителя. Вы добрая и честная девушка, поэтому я полностью доверяю вам.

Сестра Бланш смотрела на меня изумленными глазами. Я тут же подумал, что зря сходу обрушил на нее такой поток своих измышлений и терзаний: скорее всего, это еще больше ухудшит мое положение, и она расскажет все главному хирургу, который ускорит появление полиции и мое задержание. Я уже совсем было отчаялся, но тут девушка тихо заметила:

– То, что вы говорите... это все очень странно и непонятно. Если бы я не наблюдала за вашим состоянием, то решила бы, что вы сошли с ума. Но я хорошо знаю больных с нарушенной психикой: они мнят себя убийцами и маньяками, чтобы почувствовать себя великими людьми, быть на виду и познать славу. Вы не похожи ни на одного из таких пациентов, поэтому я склоняюсь к мысли, что вы говорите правду. Я искренне сочувствую вам, но, право, не понимаю, чем могу вам помочь.

Почувствовав некоторую поддержку с ее стороны, я поспешил ответить:

– Я должен как можно скорее вернуться домой, и вы поедете вместе со мной.

– Что? Но это невозможно... я...

– Прошу вас, выслушайте меня до конца, – взмолился я, и девушка молча кивнула. – Вот что я придумал: вы скажете доктору Томпсону, что я был не в себе, когда говорил об убийстве, и, конечно же, это всего лишь плод моего воображения. Объясните профессору, мол, вы сами уверены, что я никого не убивал, но вас волнует мое психическое состояние, поэтому вы хотите сопровождать меня во Францию и там быть моей сиделкой, пока я окончательно не поправлюсь. Если главный хирург согласится вас отпустить, то я напишу своей матери, чтобы она подготовила все к нашему приезду, и вы ни в чем не будете нуждаться. В нашем замке, кроме прислуги, живут только моя мать, сестра и один молодой архитектор. Значит, когда мы приедем, вам выделят отдельную комнату. Вы будете рядом со мной, и с вашей помощью я смогу постепенно вспоминать все, связанное с убийством. Если в доме и правда совершено преступление, то мне нужно будет время, чтобы разобраться в произошедших событиях. Но мы должны поехать вместе, один я не справлюсь. Мне нужен человек, который будет в курсе моих планов и сможет в случае необходимости дать показания в мою пользу, рассказав обо всем правдиво.

Сестра Бланш молчала. По ее лицу было непонятно, о чем она думает, но я надеялся, что она встанет на мою сторону.

Через минуту девушка промолвила:

– К сожалению, доктор Томпсон не сможет отпустить меня ухаживать за вами вне стен больницы, но я давно не была в отпуске и вполне могу попросить его сейчас.

Я не поверил своим ушам и принялся благодарить сестру Бланш.

Она с серьезным выражением лица остановила поток моих радостных возгласов:

– Но если что-то пойдет не так и вас поймают, то меня могут уволить. Подумайте, пожалуйста, найдется ли в таком случае в вашем замке подходящая работа для молодой медсестры и ее мужа.

Вот так тогда и началась наша история по расследованию этого загадочного убийства, воспоминания о котором так ярко отпечатались в моей голове.

Глава 3

1

Вернувшись домой со столь странного дежурства, миссис Бланш осознала, что большей глупости она не совершала за всю свою жизнь. Как она могла пойти на такую авантюру? Присцила пожалела о том, что послушала доктора Томпсона и согласилась следить за этим молодым французом. И вот чем это обернулось! Нужно было просто убедиться, что с ним все в порядке, и оставить пациента на попечение сестры Лестридж, которая присматривала бы за ним.

В конце концов, какое ей дело до того, что сказал больной. Это все может быть выдумкой от начала и до конца. Какая-то нелепость! И зачем только она в это ввязалась! Теперь ее карьере конец, ее выгонят из госпиталя с позором, да еще, вполне вероятно, и упекут за решетку за пособничество и укрывание преступника.

А ведь этот парень абсолютно прав: она ничего не знает о нем, а его история слишком уж неправдоподобна. Что же заставило ее пообещать ему свою помощь в этом странном деле? Присцила вздохнула, ибо прекрасно знала ответ. Она всегда сопереживала людям, даже когда это оборачивалось против нее. И сейчас девушке казалось, что этот бедолага хватается за соломинку, раз обратился именно к ней, обычной медсестре, а не к своим родственникам, например. Да, они, безусловно, без труда забрали бы его в ближайшее время и с комфортом доставили бы домой. Но получается, Жак Дюбуа не хотел довериться своим близким, а значит, он действительно опасался, что кто-то из них мог быть замешан в деле об убийстве. В этом случае он мог рассчитывать только на себя, а из-за проблем с памятью возвращаться в замок, не выяснив, кто и почему убил того человека, было совсем не безопасно. Увидев в медсестре свое спасение, он обратился к ней. Жак Дюбуа выглядел таким безнадежно несчастным... да еще и такая загадочная, почти мистическая история – ну разве Присцила в состоянии была отказать?

После разговора с французом она пошла напрямиком к главной медсестре и достаточно убедительно сыграла заранее продуманную роль. Девушка сказала, что ее тетя из Девоншира серьезно заболела и никак не сможет обойтись без ежедневного медицинского патронажа. Поэтому Присциле необходимо уехать через две недели примерно на месяц, чтобы ухаживать за внезапно слегшей родственницей. Миссис Бланш примерно рассчитала, что к этому времени Жак Дюбуа как раз придет в норму, останется только перелом ноги, который будет еще долго срастаться. Но нога в гипсе не будет препятствием для выписки молодого человека, и с парой костылей он вполне сможет передвигаться. Рассказывая начальнице про свой долгожданный отпуск и о том, как она давно не брала отгулы, миссис Бланш чувствовала, что плетет какую-то ахинею, но со стороны все это, видимо, выглядело довольно правдиво, потому как мисс Хамбл поверила ей и дала Присциле отпуск на целый месяц. И это несмотря на то что персонала в больнице страшно не хватало! Но ведь Присцила Бланш была образцовым работником, и главная медсестра пошла ей навстречу.

Миссис Бланш устало плюхнулась в кресло и покачала головой. Она только сейчас поняла, что, возможно, берет на себя роль пособника убийцы, а если Жак все же невиновен – она попадет в змеиное логово, где каждый может оказаться преступником. Присцила никогда раньше не была во Франции и теперь почувствовала легкое волнение от предстоящей поездки. «Интересно, что сказал бы Виктор, узнай он об этом? – пронеслось в голове миссис Бланш. – Лучше ему оставаться в неведении. Скажу, что просто решила отдохнуть в санатории». Медсестра поморщилась, так как ей раньше никогда не приходилось обманывать мужа, но ради благого дела можно было пойти и на такое. Через две недели она заберет Жака Дюбуа из боль-

ницы, и вместе они поедут в Шато де Виль, где он будет продолжать лечение и восстанавливаться после аварии. Конечно, транспортировка будет осложнена тем, что молодой человек не мог ходить, но хорошие костыли должны были помочь, да и основную трудность сама миссис Бланш видела не в этом. Ей казалось, что Жак, хоть и распланировал все так хорошо, сам до конца не уверен в правильности своего решения. То, с чем им придется столкнуться в его родном доме, может не просто расстроить француза, а ухудшить и без того болезненное состояние его психики. Но назад пути не было, оставалось только молиться, чтобы все обошлось и завершилось благополучно.

Присцила еще минуту поколебалась, а потом села писать мужу письмо.

2

В Шато де Виль известие о возвращении Жака из Лондона пришло вместе с его письмом к матери:

«Дорогая маман! Я счастлив сообщить вам, что со мной все в порядке и нет повода для волнения. Сейчас я нахожусь в больнице, куда я попал с многочисленными травмами, полученными в результате наезда автомобиля. Благодаря стараниям врачей я уже иду на поправку, медики делают все возможное, чтобы как можно скорее поставить меня на ноги. У меня к вам будет весьма деликатная просьба, настолько деликатная, что я прошу вас ни с кем не обсуждать подробности, и даже Анабель не должна ничего знать. Я приеду домой через пару недель, к этому времени врачи смогут меня выписать, и я буду более-менее здоров, но все еще не смогу самостоятельно передвигаться, ведь перелом ноги будет заживать еще пару месяцев. После аварии у меня появились провалы в памяти, и я плохо помню, что произошло до несчастного случая, поэтому мне некоторое время будет необходима помощь квалифицированной медсестры. Меня мучают кошмары о каком-то убийстве, и я даже боюсь предположить, что все это может значить. Со мной придет моя хорошая знакомая, медсестра из больницы, где я сейчас нахожусь. Надеюсь, вас не затруднит приготовить для нее комнату. Также прошу вас сообщить всем домашним, что со мной все хорошо и я быстро поправляюсь. Передайте привет Анабель, скажите ей, что я безумно скучаю без нее. Ваш сын Жак».

Люси Дюбуа сложила лист бумаги и откинулась на спинку кресла, в котором сидела. Письмо ее сына было написано просто и понятно, но она уловила какой-то скрытый смысл между строк. Что за кошмары его беспокоят? И почему он говорит о каком-то убийстве? Неужели это связано с исчезновением Седрика Буше? Но ведь это невозможно! Мадам Дюбуа не знала, что и думать. Хотя серьезного повода для беспокойства у нее не было, женщина почувствовала себя не в своей тарелке. Жак всегда рос впечатлительным мальчиком, мечтал стать сыщиком и расследовать преступления, и вот теперь, после этого несчастного случая с машиной, он, вероятно, был так сильно травмирован, что его мозг сыграл с ним злую шутку, и Жак не в состоянии контролировать себя. И зачем он только поехал в Лондон! Собрался буквально за пару часов и сообщил, что ему срочно нужно в Англию. Подумать только! И какая муха его тогда укусила! Едва-едва успел на последний поезд до Лиона. А на следующее утро замок покинул и Седрик.

Собственно все это началось с приезда Седрика Буше в Шато де Виль примерно два месяца назад. Люси Дюбуа знала Седрика еще с детства и всегда была уверена, что он влюблен в нее. В те годы своей юности молодые люди много времени проводили вместе, и Люси ждала, что Седрик вот-вот сделает ей предложение. Но то ли он струсил, то ли его не поддержали родители, но молодой человек так и не решился открыть свои чувства юной Люси, и они так и остались просто хорошими друзьями. Девушка вышла замуж за другого, а сам Седрик так никогда и не женился. Уже позже, когда у Люси родился Жак, Седрик написал ей письмо, в котором признался, что всегда любил только ее, но не смог набраться смелости попросить ее руки.

Муж мадам Дюбуа умер в возрасте сорока лет от туберкулеза, но оставил вдове приличное наследство, которое помогло семье довольно сносно существовать. К тому времени у Жака уже была сестренка Анабель, и мать прилагала все усилия, чтобы дети ни в чем не нуждались. Жак хорошо учился в школе и после ее окончания поступил в университет в Тулузе, где изучал естественные науки, химию и биологию. Анабель больше интересовалась живописью, архитектурой, много читала. Старинный замок, в котором они жили, был настоящим культурным наследием и требовал постоянного ухода. Построенный в середине семнадцатого века он

пережил несколько поколений семьи Дюплеси, которые затем продали его мужу мадам Дюбуа. Однажды во время непогоды сильный порывистый ветер сорвал с крыши черепицу, а у одной из башен отвалился шпиль и чуть не убил старого садовника, упав на землю в паре шагов от него.

После этого случая Люси всерьез задумалась о реконструкции шато и пригласила заняться этим молодого декоратора месье Фабриса Сенжана, который еще раньше гостил у них в доме и проявил большой интерес к особенностям архитектуры Шато де Виль. Кроме того, он был хорошим знакомым ее сына – молодые люди познакомились во время войны – что давало мадам Дюбуа дополнительную уверенность в надежности месье Сенжана.

Так получилось, что молодому архитектору приходилось много работать, изучать чертежи, фамильные документы, чтобы максимально подробно вникнуть в особенности замка. Все это хранилось в библиотеке в шато, поэтому, чтобы оградить Фабриса от лишних забот и не перевозить книги из замка и обратно, было решено, что он будет жить здесь же, в одной из гостевых комнат. Это всех устроило, и месье Сенжан в два счета перебрался в шато. Жак был рад, что в доме будет гостить его друг, Анабель за короткий срок сошлась с Фабрисом, общаясь с ним на темы искусства и живописи, да и Люси Дюбуа от души радовалась, что в огромном, почти безлюдном замке стало оживленнее. Поначалу хозяйка боялась, не будет ли месье Сенжан чувствовать себя скованно в чужом доме, но вскоре убедилась, что этот молодой человек на удивление прост в общении, легко сходится с людьми и быстро находит подход к любому независимо от его положения. Поэтому все скоро привыкли к архитектору и уже не могли представить, как раньше обходились без общества обаятельного Фабриса.

Так продолжалось несколько месяцев, пока в замке не появился еще один персонаж – тот самый друг детства Люси – месье Буше. И для хозяйки дома, и для ее гостя это была долгожданная и радостная встреча. Они не виделись много лет, и у обоих столько всего накопилось, чтобы рассказать друг другу. Седрик Буше с детства увлекался старинными редкими монетками, а с возрастом его увлечение переросло в серьезное занятие. Седрик стал известным коллекционером и почти все время проводил в заграничных поездках, общаясь с такими же нумизматами, а также посещая выставки и аукционы. В его жизни мало что изменилось со времен юности, он не обзавелся ни женой, ни детьми, жил все в том же загородном особняке в пригороде Тулузы. Возможно, поэтому все его разговоры начинались и заканчивались рассказом о какой-нибудь знаменитой монете из его коллекции: как и где она появилась, за какую цену он ее купил, сколько она стоит теперь.

Как-то раз Седрик Буше показал одну из своих монет – золотой луидор – и сказал, что она обошлась ему в целое состояние. Все, конечно, сразу проявили к ней большой интерес. Особенно Жак, так как в детстве он тоже собирал монетки, и у него была даже своя небольшая коллекция, которую он, к сожалению, забросил, и теперь она валялась где-то на чердаке. Анабель тогда мило улыбнулась и восхитилась упорством и целеустремленностью месье Буше, который, несмотря на высокую стоимость монеты, не продавал ее никому, включая самых состоятельных и влиятельных особ. Фабрис же, напротив, едва взглянул на маленький блестящий кружочек металла. Казалось, месье Сенжан только из вежливости поддерживает незанимательную для него беседу. В остальном тот вечер прошел удивительно душевно и тепло: все смеялись, пили вино, и Люси давно не было так весело и по-домашнему уютно у семейного очага.

Но идиллия продолжалась недолго: месье Буше неожиданно покинул Шато де Виль, а за день до этого Жаку срочно пришлось уехать в Лондон. Между этими событиями, казалось бы, не было никакой связи, и Люси Дюбуа так и оставалась бы в неведении о дальнейшей судьбе Седрика Буше, если бы через неделю в замок не пришел полицейский – комиссар Фурнье – и не начал расспрашивать о недавно уехавшем госте.

Как сообщил в полицию племянник известного коллекционера, его дядя Седрик Буше должен был появиться на аукционе в Лондоне, но не приехал в назначенный день. Более того,

после посещения Шато де Виль Буше не возвращался домой, и его местонахождение оставалось неизвестным. Странным было еще и то, что нумизмата никто не видел, после того как он покинул замок. Расследование его исчезновения поручили детективу комиссару Клоду Фурнье, уже немолодому служителю закона, проживавшему в пригороде Каора и возглавлявшему комиссариат маленького городка под названием Сальвьяк. В шато детектив появился с явным убеждением, что здесь каждый что-то скрывает, а факт пропажи состоятельного коллекционера должен быть возведен в ранг национальной трагедии.

Клод Фурнье обосновался в замке в кабинете покойного мужа мадам Дюбуа, где дотошный полицейский опросил всех домочадцев и сделал, казалось, совсем неутешительный для себя вывод: внезапный отъезд Жака Дюбуа как-то связан с исчезновением Седрика Буше. Так как Жак уехал из дома почти одновременно с месье Буше, комиссар тотчас зацепился за это и начал в чем-то подозревать молодого Дюбуа, хотя Люси была уверена, что ее сын совершенно ни при чем. Получив письмо от Жака, мадам Дюбуа без промедления сообщила комиссару о том, что ее сын скоро вернется из Лондона и обязательно ответит на любые вопросы комиссара, касающиеся месье Буше.

Но здоровье сына беспокоило мадам Дюбуа. Если он действительно поправляется, как он пишет, то зачем он тогда берет с собой эту сиделку? В доме сейчас не место посторонним, Фабрис Сенжан и его сестра – исключение. Николь Сенжан приехала из Парижа после длительных гастролей, и ей совсем негде было остановиться, поэтому архитектор и попросил мадам Дюбуа приютить его сестру на некоторое время.

Николь была на редкость красивой и обаятельной девушкой. Умение ладить с людьми, видимо, достались ей и Фабрису от родителей, так как именно это, а не внешность, делало их похожими друг на друга. Девушка принадлежала к труппе театра в Париже и постоянно гастролитовала, отчего мало задумывалась о будущем и оседлой жизни и всегда с веселой беззаботностью говорила о себе. Своей непосредственностью и энергией она была так не похожа на Анабель, которая обычно снисходительно улыбалась, слушая невероятные рассуждения Николь о жизни в целом и о мужчинах в частности. Мадемуазель Сенжан была образцом независимой женщины, свободно мыслящей и действующей раскованно и непринужденно, что несколько шокировало современное общество. Всякому становилось понятно, что мадемуазель Сенжан не спешит связать себя узами брака и дорожит своей свободой, которую не променяет ни за что на свете.

Выглянув в окно, мадам Дюбуа увидела полицейского в парке и тяжело вздохнула. Несмотря на то что вся территория вокруг замка за последние две недели была тщательно осмотрена, полицейские продолжали искать. Уже, конечно, без особого рвения, просто чтобы показать комиссару, что они честно выполняют свой долг. Детектив Фурнье, по всей видимости, не желал сдаваться и признавать, что он так и не нашел ни единого следа, по которому можно было определить местоположение пропавшего коллекционера. Никто так и не мог ответить на вопрос, что же случилось с Седриком Буше, и его исчезновение все еще оставалось тайной за семью печатями.

Вообще, этот комиссар Фурнье сразу не понравился Люси Дюбуа. Внешне он чем-то напоминал священника из их прихода, который всегда мило улыбался и проявлял любезность, но при этом его слова были острыми, как кинжал, и могли уколоть любого самым безжалостным образом. Фурнье, как и тот священник, смотрел всегда слишком пристально, отчего женщине казалось, что он читает ее мысли и пытается предугадать ее действия. Детектив и его люди совали нос повсюду, и их присутствие становилось все более и более невыносимым.

Но времени совсем не оставалось, нужно было подготовиться к приезду сына и его сиделки. Что из этого выйдет, мадам Дюбуа не знала, но она по-настоящему боялась. И страх ее усиливался с каждым днем.

3

Когда я получил от матери ответное письмо, на душе у меня стало спокойнее. Я знал, что она сможет оказать мне поддержку и встретит нас наилучшим образом. Мне оставалось провести в больнице еще несколько дней, и мы с миссис Бланш могли ехать. Память понемногу возвращалась ко мне, но в основном я понимал это из своих снов, большая часть которых были кошмарами. Я просыпался в поту, не смея открыть глаза, чтобы не увидеть на своих руках кровь. Сестра Бланш посоветовала мне вести дневник и записывать все, что мне снилось, даже ночью, если я вдруг просыпался, так как уже утром я обычно ничего не мог вспомнить. Поначалу мне не удавалось толком описывать свои видения, но постепенно я привык к этому, и мои записи стали приобретать стройный и логичный характер. Иногда мы вместе перечитывали написанное, а Присцила вносила некоторые важные заметки в свой блокнот. Мы договорились, что она будет фиксировать все, что будет происходить со мной, и, если потребуется, потом отдаст эти записи полиции.

Мне было удивительно легко в обществе этой девушки. Казалось, что мы знакомы с ней уже много-много лет. Хотя внешне Присцила не была похожа на мою сестру, чем-то она мне ее сильно напоминала. Сестра Бланш была замужем, и я иногда завидовал ее мужу: мне редко удавалось встретить женщину с таким острым умом и сильно развитой интуицией. Я сам не ожидал, что медсестра согласится содействовать моему плану – мы едва знали друг друга – но, видимо, миссис Бланш почувствовала во мне родственную душу, поэтому не смогла отказать в помощи.

Часы в больнице тянулись утомительно долго. Я коротал время, пытаюсь воссоздать в голове подробности своей жизни и выяснить, почему я оказался в такой непростой ситуации. Самые сильные воспоминания были связаны с сестрой и матерью, отца я почти не знал: он умер, когда мы с Анабель были еще детьми. Мне тогда было семь, а ей – четыре, мы оба сильно плакали на похоронах, и больше всего на свете мне не хотелось, чтобы мама снова вышла замуж. Помню, как каждый вечер перед сном я просил ее, чтобы она пообещала мне никогда больше не выходить замуж, так как я не представлял себе, как смогу называть отцом чужого мне человека.

Сейчас я много думал об этом и начал понимать, как тяжело было моей матери: с одной стороны была она сама, такая молодая, полная жизни и еще так жаждущая счастья, а с другой – я, маленький мальчик, ее горячо любимый сын, который отчаянно сопротивлялся ее возможному замужеству в будущем. И, конечно, мама выбрала меня. Впоследствии я больше не слышал от нее разговоров о браке или мужчине, который бы ей нравился; мой отец всегда оставался единственным любимым человеком в ее жизни. По крайней мере, я всегда так думал.

Какое-то смутное видение пронеслось у меня в голове. Это случилось вечером, месяц назад, мы все сидим в гостиной и пьем чай. Открывается дверь, входит мужчина средних лет, при виде его моя мать расплывается в улыбке, она зовет его Седриком и приглашает к нам за стол. На этом мои воспоминания обрывались, и тут я осознал, что имя этого человека мне известно. Это был друг моей матери – Седрик Буше. Но я где-то еще видел его лицо...

Когда через полчаса в мою палату вошла сестра Бланш, я был в крайнем возбуждении.

– Доброе утро, как ваши дела? – приветливо спросила девушка.

– Я вспомнил кое-что важное, – взволнованно закричал я.

– Я рада, значит, мы сможем продвинуться вперед. Ваш врач сказал, что вам гораздо лучше. Если все будет в порядке, то в понедельник мы можем ехать.

– В понедельник? А сегодня... пятница. Это просто замечательно! Хоть бы задуманное нами с треском не провалилось!

Мы вместе записали то, что мне удалось восстановить из моего прошлого, а потом еще раз обговорили наш план. В понедельник утром меня выписывали из больницы, и в этот же день мы отправлялись на пароходе через Ла-Манш во Францию. Моя мать выслала мне нужную сумму денег, поэтому проблем с покупкой билетов и других необходимых в дороге вещей у нас не было. Так как моя нога была еще в гипсе, мне предстояло научиться пользоваться костылями и вообще приспособиться к своему временному щадящему режиму с ограниченными возможностями для передвижения. Но я уже не так сильно волновался: письмо, полученное от моей матери, убедило меня в том, что она и моя сестра не плод моего больного воображения и Шато де Виль действительно существует. Значит, я еду домой! А дома, говорят, и стены помогают.

Миссис Бланш предупредила своего мужа и персонал в больнице, что она берет отпуск на месяц, так что никаких препятствий не должно было возникнуть на нашем пути. Но, несмотря на тщательную подготовку и предчувствие успеха нашего предприятия, чем ближе подходил день отъезда, тем больше я волновался и становился раздражительным. Миссис Бланш это заметила и старалась направить мои мысли в другое русло. Она расспрашивала меня о матери, о сестре – говоря о них, я сразу становился спокойнее, и никакие тревоги уже не беспокоили меня. Иногда наступали такие минуты, когда я начинал сомневаться в том, что я поступаю правильно. Имел ли я право втягивать в это опасное путешествие сестру Бланш? Она согласилась почти с азартом – это вселяло в меня надежду на то, что ей тоже интересно участвовать в этой аванюре и жажда правды заразила и ее. Но, как бы то ни было, у меня просто не было другого выхода. С миссис Бланш или без нее мне нужно было поскорее попасть домой, чтобы понять, почему я убил человека.

Глава 4

В понедельник после обеда Клод Фурнье вышел из комиссариата Сальвьяка и, сев в служебную машину, отправился в сторону Шато де Виль. Езда на автомобиле по извилистым холмам вызывала у него неприятные ощущения тошноты и вкупе со страхом замкнутого пространства доводила его почти до нервного срыва. Но отказаться от поездки Фурнье просто не мог.

Последний месяц дорога до замка, принадлежащего семье Дюбуа, уже стала ему до боли знакомой. Расследовать исчезновение месье Буше доверили комиссару, и он, как положено, принялся рьяно исполнять свой долг. Но дело оказалось не таким уж простым. Пропал известный в своих кругах коллекционер монет Седрик Буше, об исчезновении в полицию сообщил его племянник. По словам родственника, месье Буше уехал из дома два месяца назад, чтобы навестить свою давнюю знакомую. Знакомую эту звали Люси Дюбуа – вдова, мать двоих детей, хозяйка этого самого замка под названием «Шато де Виль».

Судя по тому, что от Седрика Буше не было вестей уже около месяца, в голову детективу начинали приходиться тревожные мысли. Это был первый звоночек. Племянник ждал своего дядю на выставке в Лондоне неделю назад, но Буше там не объявился. Конечно, понимая, что коллекционер был богат и повсюду возил с собой свои бесценные монеты, можно было предположить, что его убили с целью ограбления. Но если это совершили обычные бандиты, то почему до сих пор не найдено тело? Обычно в таких случаях действуют профессионалы, и им не нужно прятать жертву, чтобы скрыть улики. Они убивают богатого человека, забирают его деньги или драгоценности, а от мертвеца избавляются любым доступным способом. Но никто не прячет тело или не инсценирует исчезновение.

Значит, если имело место ограбление и труп не нашли, то в этом мог быть замешан близкий Буше человек или его родственник. Племянник (его звали Пьер) в этом случае оказывался наиболее вероятным кандидатом на роль убийцы: совсем еще молодой, не уверенный в себе и даже немного нервный, вечно на побегушках у своего дяди. Наверняка он недолюбливал старика за скаредность и скупость, ведь ему-то Буше платил обычное жалованье за помощь с содержанием своей коллекции. А вдруг юнцу это надоело и захотелось большего? Он был единственным родственником Буше, а следовательно, получал всю коллекцию после его смерти. Мотив для убийства богатого дядюшки налицо. Но тут были и свои нюансы. Племянник честно признался, что, скорее всего, у дяди не было завещания, и потому после смерти месье Буше все достанется именно ему – Пьеру Буше. Вряд ли хитроумный злодей признался бы в этом так сразу, скорее, притворился бы невинной овечкой без единого намека на корыстную цель. А тут все наоборот: сам признается, что сильно разбогатеет, когда дядя отправится к праотцам. После допроса парня в участке комиссар взял его на заметку и отпустил домой ждать возможных вестей от Седрика Буше.

А вестей все не было. Версия об убийстве все чаще приходила в голову комиссару Фурнье. Но где и кем оно могло быть совершено? Приехав в Шато де Виль в первый раз, комиссар почувствовал какую-то нездоровую атмосферу. Вроде бы обычный дом, но некоторые пазлы не укладывались в общую картину счастливого семейства. Вот, например, сын мадам Дюбуа Жак. Почему он уехал накануне исчезновения месье Буше? И уехал именно в Лондон, туда, куда Седрик Буше планировал со своими монетами отправиться на аукцион. Это выглядело слишком подозрительно, и в простое совпадение комиссар не верил. Поэтому, поговорив со всеми в доме, детектив решил, что искать нужно начинать именно от Шато де Виль. Здесь коллекционера в последний раз видели живым. По словам служанки, утром тот собрал свои вещи, сел в заранее заказанный автомобиль и уехал. Но куда? Опросив всех возможных водителей в округе, комиссар так и не смог найти того, кто в тот день вез месье Буше. Но в любом слу-

чае нумизмата должны были запомнить на вокзале: носильщики, билетные кассиры, служащие железнодорожной станции. Однако никто ничего не видел и не слышал. Седрик Буше просто канул в воду, после того как оставил Шато де Виль.

И в то же самое время за весь период поисков полиция не обнаружила ничего, что бы могло подтвердить, что Буше был убит. Тупа нигде не было. Поэтому комиссар не мог снять полицейский наряд с дома Дюбуа. Раз это было последнее место, где видели коллекционера, значит, осмотру замка и его окрестностей нужно уделить особое внимание, что полицейские и делали последние две недели. Но тщетно. Официально детектив продолжал расследовать дело об исчезновении, а не об убийстве, что некоторым образом сковывало его действия и не давало полностью осмотреть все помещения в доме. Оставалось надеяться, что возвращение Жака Дюбуа раскроет завесу и комиссар сможет наконец сдвинуться с мертвой точки.

Расспросы обитателей Шато де Виль не дали комиссару Фурнье ничего нового. Кроме самой мадам Дюбуа, в доме проживали ее дети – дочь Анабель и сын Жак – а также молодой архитектор Фабрис Сенжан и его сестра Николь, которая приехала погостить к брату, причем ее появление в замке практически совпало по времени с приездом Седрика Буше. Мадам Дюбуа подтвердила, что Седрик Буше гостил у нее почти месяц, а потом уехал, не сказав куда, без объяснения причины. Дочь Люси Дюбуа Анабель была чрезвычайно расстроена случившимся и переживала за судьбу месье Буше так, словно он был ее близким родственником. Девушка была очень бледна и явно пребывала в дурном настроении.

Молодой архитектор Фабрис Сенжан был достаточно интересной фигурой, учитывая, что он жил в шато уже несколько месяцев и даже привез сюда свою сестру. Они обосновались здесь почти как члены семьи, и это насторожило комиссара. Было странно, почему Фабрис до сих пор жил в доме, ведь работы по восстановлению замка могли затянуться надолго, и вряд ли было целесообразно надеяться на то, что один человек с этим справится. Руководствуясь какими-то своими внутренними мотивами, месье Сенжан набрал обычных работяг, которые в послевоенные годы хватались за любой приработок, и доверил им такое важное дело, как наружная отделка фасада замка. Для мадам Дюбуа было бы гораздо практичнее нанять бригаду профессиональных строителей, которые под руководством того же Фабриса Сенжана быстро привели бы шато в порядок. Нанятые же жители соседних деревень не имели достаточного опыта, и за три месяца почти не сдвинулись с места, научившись лишь возводить строительные леса, да кое-как приладив подъемные механизмы.

Но, судя по всему, мадам Дюбуа совсем не торопилась. Либо же имела другие цели касательно нахождения в доме молодого человека. Комиссару даже пришла в голову одна нелепая мысль: что-то вспомнилось ему про даму средних лет, состоявшую в отношениях с молодым управляющим, но Фурнье разом отгнал эту идею. Уж слишком это было банально и скучно, тем более что мадам Дюбуа выглядела благовоспитанной и порядочной женщиной и вряд ли могла впутаться в интрижку с нанятым архитектором. Что касается дочери мадам Дюбуа, здесь как раз комиссар пытался усмотреть какой-то намек на романтическую подоплеку, но видимых доказательств этому не нашел.

Николь Сенжан – вот кто вызывал самый живой интерес комиссара Фурнье. Бывшая воздушная гимнастка, она работала актрисой в театре в Париже и много гастролировала с труппой. Почему-то у Фурнье всегда было предвзятое отношение к актрискам: все они, по мнению комиссара, были авантюристками и охотницами за богатыми холостяками. В его практике преступниками и мошенниками часто оказывались именно актеры. Комиссар объяснял это тем, что тяга к перевоплощению на сцене помогала им легко вживаться в роль нарушителей закона в обычной жизни. После разговора с Николь детективу вспомнилось одно старое дело, когда по обвинению в крупной краже была арестована оперная певица Лорена, выступавшая с концертами в богатых домах, а потом, как оказалось, умело обчищавшая сейфы их владельцев с драгоценностями и наличными. И хотя в доме мадам Дюбуа ничего не пропало, исчезновение

месье Буше тоже могло иметь связь с каким-либо преступным мотивом. Присутствие Николь Сенжан в замке могло оказаться совсем не случайным, а ее личность – крайне сомнительной. Ко всему прочему, девушка была на редкость привлекательной и умело подчеркивала это макияжем и вызывающей одеждой. Светлые волосы были искусно уложены в завитки и раскинуты по плечам и спине, а губы – ярко накрашены красной помадой подходящего оттенка. Весь вид этой молодой и пышущей здоровьем девушки был прямой противоположностью внешности Анабель Дюбуа, которая, наоборот, выглядела какой-то болезненной и слабой. Взгляд ее бесцветных глаз был направлен куда-то поверх собеседника, из-за чего казалось, что Анабель все время витает в облаках. Но если бы комиссара спросили, кто из этих двух молодых особ внушает ему больше доверия, то он без сомнения выбрал бы дочь Люси Дюбуа.

Присутствие полиции в доме, конечно же, создавало определенный негативный настрой у всех его обитателей. Никто не мог свободно перемещаться по саду или дому, чтобы не натолкнуться на полицейских. Они обшарили всю территорию парка, прилегающую к замку, тщательно осмотрели комнату, в которой останавливался Седрик Буше, но безрезультатно. Казалось, комиссару нужно сдаться, признать свое поражение и уйти ни с чем. Но ему помог случай.

Как-то, разговаривая с одной из служанок, горничной Сесиль Лефевр, комиссар в очередной раз спрашивал ее о том дне, когда месье Буше покинул шато. Все слуги, равно как и домочадцы, твердили, что тридцать первого мая он уехал рано утром и больше коллекционера в шато никто не видел. Горничная Сесиль обратила внимание на интересный факт. Утром перед самым отъездом гость собирал чемодан, она проходила мимо его комнаты и слышала, как Седрик Буше что-то искал, но не мог найти. Коллекционер позвал Сесиль, попросил ее уложить его вещи и сказал, что должен кое-что забрать, что принадлежит ему. Сесиль тогда не поняла, о чем говорит месье Буше, но чемодан собрала и ушла из комнаты.

Комиссар не сразу обратил внимание на ее слова. Только позднее, когда он стал более детально все обдумывать, этот небольшой эпизод всплыл в его памяти. Он живо представил, как месье Буше собирает перед отъездом свои вещи, складывает брюки и рубашки, потом вдруг видит, что отсутствует какая-то вещь, крайне важная для него; он долго ищет ее и, не найдя, отправляется на ее поиски; возможно, даже хочет (как вариант – силой?) забрать эту вещь у кого-то. Это уже похоже на мотив преступления. И хотя ничего конкретного Фурнье так и не узнал, он понял, что у Седрика Буше могла быть с собой какая-то ценность, которую у него, вероятно, украли. Само собой, это не объясняло его исчезновение, но являлось хоть чем-то, за что можно было зацепиться.

Также особо пристальное внимание Фурнье уделил ссоре между Фабрисом и Жаком, произошедшей накануне отъезда месье Буше. Комиссар не знал подробностей, но, по рассказам прислуги, вечером приятели сильно повздорили. Они громко обсуждали что-то в кабинете, а потом Жак вышел, хлопнув за собой дверь. После этого инцидента он сообщил матери, что собирается отбыть по делам в Лондон, и уехал в тот же вечер. У детектива не было веских причин подозревать в чем-то Жака Дюбуа, но все равно он был несколько раздосадован, что один из возможных участников преступления покинул шато.

Теперь комиссар шел в замок по просьбе самой мадам Дюбуа, так как ее сын возвращался как раз сегодня. Оказалось, что в Лондоне молодой человек попал в аварию и некоторое время пролежал там в больнице. По причине того, что Жак Дюбуа был единственным, с кем Клод Фурнье еще не был знаком, комиссар решил не упускать такой возможности встретиться и горел желанием срочно с ним поговорить.

Изрядно устав от тряски в машине, сыщик наконец добрался до массивной ограды замка. Когда ворота открылись, ему навстречу выехал автомобиль и быстро скрылся за поворотом. Но это не помешало комиссару разглядеть тех, кто был в машине: на заднем сиденье с бледным испуганным лицом ехала Анабель Дюбуа, а рядом с ней сидел архитектор Сенжан.

Глава 5

Миссис Бланш проснулась удивительно рано и поняла, что день выдался что надо. Была сухая и теплая погода, ни малейшего намека на дождь или туман – все так отличалось от сырого Лондона, к которому она привыкла. Поездка на пароходе через Ла-Манш прошла замечательно.

Жак Дюбуа уже сносно пользовался костылями, и это значительно облегчало им путешествие. Добравшись до Лиона, молодые люди рассудили, что лучше переночевать в гостинице, а потом уже ехать в регион Лот в замок семьи Дюбуа, где о скором приезде Жака уже знали и с нетерпением ждали его возвращения. Миссис Бланш сама предложила остановиться в Лионе. Во-первых, ей не хотелось приезжать в замок ночью, а во-вторых, она никогда не была во Франции и мечтала хотя бы краешком глаза взглянуть на крупные города, в том числе и на Лион, о котором она слышала много восторженных отзывов.

Теперь, проснувшись здесь утром в маленькой гостинице и выглянув в окно, Присцила увидела, что город был действительно чудесен. Было только семь часов утра. «Самое время прогуляться», – подумала она. Ее спутник еще спал в соседнем номере, так как был ужасным соней и редко поднимался ни свет ни заря. Одевшись, как подобает для первой прогулки по сказочному Лиону, Присцила вышла в коридор. Дверь соседнего номера была закрыта, и девушка не стала будить уставшего с дороги Жака, а сразу спустилась вниз и вышла на улицу.

Миссис Бланш довольно хорошо говорила и читала по-французски, поэтому без труда разобрала название улицы и отеля. Отель назывался «Александра», и находился он на улице Виктора Гюго. Район был старой застройки, чудесные домики и уютные кафе простирались вдоль всей улицы, а аромат кофе и французских булочек просто сводил с ума. Спohватившись, Присцила обнаружила, что забыла в отеле сумочку. Ужасно расстроившись, что пришлось прервать прогулку, она поспешила обратно.

У входа в гостиницу девушка увидела дорогой автомобиль. Из него вышел плечистый молодой мужчина и направился к отелю. Перед тем как зайти внутрь, он вдруг повернул голову и посмотрел на миссис Бланш. Его глаза как будто прожгли ее насквозь, и почему-то девушке стало не по себе. Торопливо зайдя в гостиницу вслед за молодым незнакомцем и бросив на него мимолетный взгляд, Присцила отправилась вверх в свою комнату. А странный молодой человек остался внизу, о чем-то беседа с портье.

Взяв сумочку, миссис Бланш еще на несколько минут задержалась у зеркала, поправила прическу и уже собиралась уходить, как вдруг услышала, что в соседнем номере, где остановился Жак, кто-то разговаривает. Сначала девушке показалось, что это сам Жак говорит с кем-то по телефону, но потом, прислушавшись, она поняла, что в номере беседуют двое мужчин. Это совсем не понравилось Присциле: учитывая историю, в которую впутался этот бедняга, нужно было быть настороже и подозревать любого постороннего человека. Миссис Бланш потихоньку приоткрыла дверь своего номера и, не высовываясь в коридор, постаралась уловить, о чем говорили мужчины. Но ни одного слова ей так и не удалось разобрать. Конечно, можно было выйти в коридор, подойти к двери соседнего номера и подслушать поближе, но Присциле не хотелось, чтобы ее застали за этим занятием, поэтому эту идею она мгновенно отбросила. Немного помедлив, миссис Бланш все-таки вышла из своей комнаты и лицом к лицу столкнулась с тем незнакомцем, которого она уже видела внизу. От неожиданности девушка ойкнула и невольно отпрянула. Что ему было нужно здесь, у номера Жака?

Поспешив к соседней двери, Присцила на ходу обернулась: молодой человек с интересом наблюдал за ней. Этот нагловатый взгляд совсем не понравился девушке, но уже через секунду

незнакомец неожиданно улыбнулся невероятно красивой и очаровательной улыбкой и, слегка кивнув Присциле, направился вниз по лестнице.

Ругая себя за промедление, миссис Бланш вмиг очутилась у номера Жака и стала стучать в дверь. Он, как назло, не отвечал и не открывал ей. Присцила в ужасе уже хотела бежать за кем-нибудь, кто бы мог выломать дверь, но через секунду та отворилась. Миссис Бланш увидела заспанное лицо Жака Дюбуа, который стоял перед ней, опираясь на костыли, и приветливо улыбался.

– Господи, почему вы так долго не открывали мне? Вы что, не слышали, как я тарабанила и звала вас? – возмущению миссис Бланш не было предела.

– Доброе утро! Вы сегодня чудесно выглядите! – примирительно отозвался Жак и пригласил свою спутницу зайти.

Девушка все еще сердилась и, оказавшись в номере, недовольно огляделась вокруг.

– Надеюсь, вы не прячете у себя в номере отъявленного преступника или международного шпиона? Может, за этим вы и позвали меня с собой в поездку – чтобы проверить сомнительное дельце?

– Почему вы сердитесь? – Жак выглядел совершенно невинным младенцем. – Такая чудесная погода! Вам нужно обязательно прогуляться по Лиону, это замечательный город!

– Я и хотела прогуляться, – с обидой буркнула миссис Бланш, – но потом, когда вышла на улицу, поняла, что забыла в номере сумочку, и вернулась обратно. У вас в комнате слышались голоса, я не знала, что вы планировали с кем-то встретиться, вот я и испугалась за вас.

– Простите меня, Присцила, – Дюбуа прикрыл дверь и осторожно переместился в центр комнаты. – Я действительно повел себя глупо, когда не ответил вам из-за двери. Но вам совершенно не о чем волноваться! Я проснулся не так давно и захотел позавтракать, поэтому попросил официанта что-нибудь принести мне в номер. А сейчас я умывался, оттого и не слышал, как вы стучали в дверь.

– Вы все-таки что-то скрываете от меня, Жак, – настаивала миссис Бланш. – Кто этот человек, который выходил от вас?

– Какой человек? – удивленно спросил Дюбуа, и миссис Бланш показалось, что он насто- рожился.

– Молодой человек лет тридцати, высокий, красивый, волосы немного волнистые, – бегло описала его Присцила.

– А-а-а, этот, – равнодушно протянул Жак. – Он искал своего приятеля и решил, что тот остановился в этом номере. А потом увидел меня, извинился и ушел.

По его лицу было непонятно, о чем он думает, но Присцила была уверена, что Жак что-то утаивает от нее. Конечно, тот незнакомец мог зайти действительно случайно, и ей все просто показалось. «Нельзя быть такой подозрительной, – подумала миссис Бланш, устраиваясь за столиком в ожидании завтрака, который заказал Жак. – Я должна поддерживать месье Дюбуа, а не волновать его лишним раз всякими глупостями. В конце концов, он не ребенок и не инвалид, а обычный взрослый мужчина, только на костылях. Что мог сделать ему тот тип? Да и вряд ли Жаку могло что-то угрожать в многолюдном отеле, где все на виду». Рассуждая таким образом, миссис Бланш уже совсем успокоилась и принялась за кофе, который принес официант и разлил в две чашки. А восхитительные круассаны с шоколадным кремом заставили ее забыть о прежних волнениях.

Позавтракав, молодые люди отправились на вокзал и через час уже сидели в уютном поезде, следовавшем до Каора, где их должны были встретить и на машине отвезти в Шато де Виль. Они были почти у цели, и это пугало Присцилу все сильнее. Когда они обсуждали свой план в больничной палате в Лондоне, все казалось довольно легко осуществимым. Но теперь, практически уже на пороге замка, миссис Бланш осознала, как безрассудно они поступают. Начать с того, что Жак еще не до конца восстановился после того, как его сбила машина.

Ему требовались дополнительные физиопроцедуры, массаж, гимнастика и прием специальных препаратов кальция, а такое внезапное прекращение лечения могло сказаться на его самочувствии и темпах окончательного выздоровления. Но это было не самое главное. Больше всего миссис Бланш нервничала по поводу того убийства, которое так сильно отпечаталось в сознании Жака. Оно было похоже на миф, выдумку и запросто могло оказаться плодом его воображения, отчего их поиски быстро зашли бы в тупик. В этом случае стоило уповать лишь на то, что Жак постепенно поправится и видения отступят сами собой. Иначе он будет мучиться этим до конца своих дней, ибо разгадка так и не будет найдена.

Вдруг Присцила вспомнила того незнакомца в гостинице в Лионе. Она не могла этого объяснить, но ей показалось, что он связан с убийством из воспоминаний Жака. Если это злодеяние произошло на самом деле, то убийцей стопроцентно был тот человек. В любом случае приезжать в шато было крайне неосмотрительно и даже опасно, так как преступник вполне мог еще оставаться в замке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.